

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 154—164.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 154—164.

Научная статья

УДК 111.852:128

EDN <https://elibrary.ru/bkpajq>

DOI: 10.46726/H.2025.3.17

К ОНТОЛОГИИ ПАМЯТИ

Валерий Николаевич Финогентов

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,

г. Орёл, Россия, v_fin@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются различные формы памяти преемственности и соответствующие им теоретические миры: полное отсутствие памяти-преемственности (мир Кратила), абсолютная память-преемственность (мир Парменида), мощная память, обеспечивающая однозначную связь между предшествующим и последующим состояниями субъекта бытия (мир Лапласа), память-преемственность, допускающая инновации (мир Бергсона). Далее анализируются соответствующие указанным формам памяти-преемственности типы процессуальности: хаотическая процессуальность, полное отсутствие какой бы то ни было изменчивости, функционирование, инновационная процессуальность. Высказывается предположение, согласно которому каждому реальному субъекту бытия свойственны в разных пропорциях все указанные выше формы памяти-преемственности и типы процессуальности. Обосновывается тезис, согласно которому в рамках указанного предположения в принципе невозможно бесконечно долгое сохранение самотождественности любого реального субъекта бытия. На этом основании делается вывод, в соответствии с которым в пределах рационального (философского) дискурса надежды на достижение человеком и человечеством бессмертия являются безосновательными.

Ключевые слова: память-преемственность, мир Кратила, мир Парменида, мир Лапласа, мир Бергсона, бессмертие

Для цитирования: Финогентов В.Н. К онтологии памяти // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 154—164.

Введение. Обсуждению различных аспектов феномена памяти посвящено немало работ философов, психологов, нейрофизиологов, специалистов по информатике и др. [Бадли, Айзенк, Андерсон; Норман; Роговин; Роуз; Шенцев]. Практически во всех этих — интересных и значимых во многих отношениях — работах память понимается как процесс кодирования, сохранения и воспроизведения информации. В рамках такого подхода память свойственна в первую очередь живым организмам и некоторым техническим устройствам, а также, естественно, человеку и человеческим сообществам разного рода и масштаба: индивидуальная память, а также социальная память, историческая

память и т. п. Авторы этих работ анализируют всевозможные виды памяти (эмоциональная память, сенсорная память, словесно-логическая память, кратковременная память, долговременная память...), раскрывают механизмы работы памяти, в том числе способы сохранения и воспроизведения информации в соответствующих субъектах...

Повторяю, все эти вопросы обсуждать необходимо и важно. Однако мой интерес в предлагаемой вниманию читателя статье сконцентрирован на совсем другом круге вопросов, на круге вопросов, кратко зафиксированном в названии статьи: «онтология памяти». То есть, меня интересуют здесь именно онтологические основания самых разных видов памяти. Соответственно, в этой статье я буду понимать память максимально широко. А именно: здесь память для меня — это то, что обеспечивает присутствие в настоящем некоторого субъекта бытия определенных элементов его прошлого. Таким образом, если в настоящем некоторого субъекта бытия присутствует нечто из его прошлого, я буду говорить, что у этого субъекта есть память, что этот субъект бытия обладает какой-то формой памяти.

При таком — максимально широком — понимании памяти она свойственна всем или почти всем субъектам бытия: неживым, живым, обладающим психикой, имеющим сознание, социокультурно организованным и т. д. Очевидно, что так понимаемая память обеспечивает хотя бы минимальную связность различных стадий существования данного субъекта бытия. Она обеспечивает хотя бы минимальную преемственность в существовании этого субъекта. То есть, такая память делает некоторого субъекта бытия именно этим субъектом бытия. Она, иначе говоря, гарантирует специфическую определенность этого субъекта. Далее я буду называть такую память памятью-преемственностью. Понятно также, что наличие такой памяти позволяет соответствующему субъекту бытия сохранять определенную степень его самотождественности на всем протяжении его существования.

Несомненно, что так понимаемая память тесно связана с темпоральными (временными в широком смысле этого слова) характеристиками каждого субъекта бытия. Дело в том, что только наличие у данного субъекта бытия каких-либо форм памяти-преемственности определяет присутствие в его бытии привычных нам темпоральных характеристик, в частности позволяет говорить о его прошлом и настоящем, а также, в этом нетрудно убедиться, и о его будущем. Другими словами, отсутствие у некоторого субъекта бытия каких бы то ни было форм памяти-преемственности делает такой субъект, по сути, вневременным. Из сказанного ясно также, что качественно различные типы памяти-преемственности, свойственные разным субъектам бытия, формируют у этих субъектов качественно различные темпоральные характеристики. В этом мы убедимся ниже.

Изучение памяти-преемственности, по моему мнению, может помочь в изучении форм памяти, свойственных живым, техническим и социальным системам, по крайней мере, в двух взаимосвязанных планах. Во-первых, память-преемственность образует онтологический фундамент, основу возможности осуществления всех вариантов только что упомянутых форм памяти. Естественно, что углубленное обсуждение онтологических оснований многообразных форм памяти будет способствовать достижению более глубокого и адекватного понимания этих форм памяти. Во-вторых, память-преемственность является инвариантной составляющей всех этих форм памяти. Несомненно, что выявление общих характеристик различных форм памяти будет способствовать уточнению

особенностей этих форм. Кроме того, изучение памяти-преемственности значимо для понимания многих серьезных вопросов онтологии, в том числе вопросов, связанных с пониманием особенностей темпоральных характеристик разных уровней бытия универсума. В частности, учет этих «общих характеристик всевозможных видов памяти» позволяет высказать и аргументировать суждение, согласно которому в рамках рационального дискурса надежды человека и человечества на обретение ими той или иной формы бессмертия безосновательны.

Во избежание недоразумений отмечу также, что миры, которые далее будут представлены, и, которые отличаются друг от друга именно свойственными им вариантами памяти-преемственности, конечно, являются теоретическими конструкциями, идеальными типами своего рода. Но, естественно, это ничуть не отрицает их эвристичности и применимости для описания и объяснения свойств реально существующих объектов.

Память мира Кратила и память мира Парменида. Очевидно, что если у какого-либо субъекта бытия полностью отсутствует такого рода память-преемственность, то его существование представляет собой последовательность никак не связанных друг с другом, изолированных друг от друга состояний. А поскольку между этими состояниями нет никаких связей, постольку их невозможно сравнить друг с другом. В частности, их невозможно отличить друг от друга. Иными словами, все состояния такого субъекта бытия тождественны друг другу. Следовательно, для такого субъекта нет прошлого (и, соответственно, будущего); он всегда пребывает в настоящем. Любопытно, что длительность настоящего такого субъекта бытия равна нулю. Поэтому вполне обоснованно можно сказать, что такой субъект «едва существует», или вообще не существует. Он существует только одно мгновение. И, кстати, именно мгновенность является единственной темпоральной характеристикой такого субъекта бытия, то есть он является вневременным в строгом смысле этого слова.

В своей уже давней книге «Время, бытие, человек» я назвал такого субъекта представителем (или фрагментом) мира Кратила [Финогентов 1992: 8—31]. Я полагаю, что такое название вполне правомерно. Напомню в связи со сказанным, что Кратил — это последователь Гераклита, последователь, доведший в некотором смысле до абсурда учение Гераклита об изменчивости, текучести всего существующего. Вот как интересующие нас взгляды Кратила характеризует Аристотель. В «Метафизике» он пишет о философах, развивавших такие взгляды: «Они полагали, что ... о том, что абсолютно и во всех отношениях изменчиво, истинные высказывания невозможны». И далее: «Из этого воззрения расцвел крайний взгляд указанных философов, притязающих на то, что они следуют Гераклиту, подобный тому, какого держался Кратил, который под конец считал, что не следует ничего говорить...» [Фрагменты...: 551—552]. Кратил считал, что не следует ничего говорить, потому что действительность каждое мгновение становится иной. Понятно, что о такой действительности ничего определенного сказать невозможно. Поэтому о ней следует молчать.

Как видим, описанный мной выше субъект бытия, полностью лишенный каких бы то ни было форм памяти-преемственности, вполне справедливо может быть охарактеризован в качестве фрагмента «мира Кратила», который, по характеристике Аристотеля, «абсолютно и во всех отношениях изменчив». Таким образом, мир Кратила — это хаотически изменяющийся мир, это мир абсолютной несамотождественности.

Миру Кратила, совершенно лишенному каких бы то ни было форм памяти-преемственности, противостоит мир, в котором имеет место то, что можно назвать абсолютной памятью. Такая память-преемственность настолько сильна, что она «стягивает» все состояния этого мира в одно единственное, непреходящее состояние. Иначе говоря, и этот мир не знает прошлого и будущего; он вечно пребывает в только что указанном единственном состоянии, он вечно пребывает в настоящем. Соответственно, этот мир не знает никаких переходов от предшествующих состояний к последующим, он не знает никаких движений и изменений. Это — мир абсолютного покоя, абсолютной самотождественности. Поэтому единственной темпоральной характеристикой такого мира является вечность, свойственная, как уже сказано, его единственному, непреходящему настоящему. Иначе выражаясь, такой мир тоже является вневременным в строгом смысле этого слова.

Вполне логично назвать такой мир миром Парменида. Действительно, только что описанный мной мир вечно пребывает в бытии, каким, по Пармениду, и должно быть сущее. Вспомним в связи со сказанным его основополагающую формулировку: «Только сущее есть, не-сущего же нет, и оно немыслимо» [Целлер: 56]. В нашем мире Парменида это сущее представляет собой его непреходящее, вечное настоящее. Если, как отмечено выше, мир Кратила «едва существует», то мир Парменида есть в полном смысле этого слова. Образуя, он обречен на существование.

Любопытно, что только что описанные мной антиподы, мир Кратила и мир Парменида, во многом сходятся друг с другом и, по сути, тождественны друг другу. В самом деле, если внимательно присмотреться к вечному настоящему мира Парменида, то можно убедиться в том, что по своей нулевой результативности (напомню, что в этом мире ничего не происходит, в нем нет ни возникновения, ни исчезновения) оно тождественно столь же бесплодному мгновенному состоянию мира Кратила. Другими словами, основополагающие темпоральные характеристики этих миров — мгновенность и вечность — здесь неотличимы друг от друга. Очень возможно, что они таковы не только здесь.

Память мира Лапласа. Познакомившись с мирами, в одном из которых абсолютная память-преемственность исключает какую бы то ни было процессуальность (абсолютно самотождественный мир Парменида), а в другом абсолютное отсутствие памяти-преемственности задает его полностью хаотическую процессуальность (абсолютно несамотождественный мир Кратила), мы присмотримся в этом разделе статьи к особенностям памяти-преемственности мира, которому свойственна чрезвычайно жестко упорядоченная процессуальность.

Чтобы лучше понять эти особенности свяжем содержание понятия памяти-преемственности с алгоритмом преобразования предшествующих состояний изучаемого субъекта бытия в его последующие состояния. Для этого вспомним сформулированное в начале статьи определение памяти-преемственности: такая память обеспечивает присутствие некоторых элементов прошлого данного субъекта бытия в его настоящем. Теперь, используя понятие алгоритма, мы можем утверждать, что память-преемственность некоторого субъекта бытия — это не что иное, как алгоритм преобразования прошлого состояния данного субъекта бытия в его настоящее, актуальное состояние. Так, в частности, характеризуя абсолютную память мира Парменида, можно сказать, что этому миру свойствен такой алгоритм преобразования «прошлого» в настоящее, в результате действия которого его «прошлое» в совершенно

неизменном виде переходит в его «настоящее». То есть «прошлое» в таком мире в неизменном виде транслируется в настоящее и далее — в «будущее». Понятно, что понятия «прошлое» и «будущее» здесь использованы только для достижения наглядности; в действительности, как уже подчеркнуто, в таком мире нет ни прошлого, ни будущего. Другими словами, действие такого алгоритма равносильно отсутствию в мире Парменида каких бы то ни было процессов. Можно сказать также, что в качестве алгоритма, преобразующего «прошлое» в «настоящее», в мире Парменида выступает закон тождества: $A = A$. Именно «полномасштабное» действие этого закона и приводит здесь к вечному воспроизведению его единственного состояния.

Мир, который является предметом рассмотрения в этом разделе статьи, в отличие от мира Парменида, процессуален. Но, как уже сказано, его процессуальность задана очень жесткой формой памяти-преемственности, то есть она подчинена очень жесткому алгоритму преобразования его прошлого в его настоящее. Тем не менее память-преемственность (и соответствующий алгоритм преобразования прошлого в настоящее) этого — нового для нас — мира не является абсолютной памятью-преемственностью мира Парменида. Напомню еще раз, что абсолютная память-преемственность мира Парменида «стягивает» все состояния мира Парменида в одно-единственное состояние. Наш — новый — мир не таков. В нем осуществляется множество, отличимых друг от друга состояний. То есть в нем, как уже сказано, имеют место процессы: переходы от предшествующих его состояний к его последующим состояниям. Но при этом все его состояния и все переходы между ними строго однозначно определены его памятью-преемственностью и соответствующим алгоритмом преобразования прошлого в настоящее и настоящего в будущее.

А именно: память-преемственность конструируемого здесь нами мира (алгоритм преобразования его прошлого в его настоящее) воплощается в системе законов, однозначно связывающих его предшествующие состояния с его последующими состояниями. Ярким примером законов такого рода являются законы классической (ньютоновской) механики. Хорошо известно, что в классической механике по известному («начальному») состоянию механической системы в принципе можно однозначно рассчитать все ее последующие и все ее предшествующие состояния. Это возможно именно потому, что здесь (в механике) известны законы движения и взаимодействия материальных точек, которые (законы движения и взаимодействия) и выступают в данном случае в роли памяти-преемственности механических систем и в роли алгоритма преобразования прошлого состояния таких систем в их настоящее, актуальное состояние. Всё только что описанное (однозначную связь между состояниями изучаемого субъекта бытия) можно также характеризовать как подчиненность этого субъекта бытия лапласовскому детерминизму. Поэтому мир, в котором память-преемственность (и соответствующий алгоритм преобразования его прошлого в его настоящее) обеспечиваются законами, аналогичными в только что указанном смысле законам классической механики, мы будем называть миром Лапласа.

Подчеркну, что мир классической механики — это только один (правда, очень важный для науки и культуры в целом) вариант мира Лапласа. Главное качество мира Лапласа — это однозначная связь между его предшествующими и последующими состояниями. И эту однозначную связь между его различными состояниями обеспечивает качество его память-преемственность (и соответствующий алгоритм). В мире классической механики такая связь между

его состояниями задается законами Ньютона. В других вариантах мира Лапласа это могут быть совсем другие законы. Это могут быть, например, законы релятивистской (эйнштейновской) механики. В данном случае не так важно какие именно законы обеспечивают однозначную связь между различными состояниями мира Лапласа. Главное здесь, что эти законы задавали именно однозначную связь между предшествующими и последующими состояниями обсуждаемого мира.

Добавлю к сказанному, что несмотря на существенное отличие памяти-преемственности мира Лапласа от абсолютной памяти мира Парменида, в ней есть нечто «парменидовское». Дело в том, что память-преемственность мира Лапласа позволяет по любому состоянию этого мира однозначно восстановить все его прежние состояния и однозначно предсказать все его будущие состояния. Кстати, длительность каждого актуального состояния этого мира является бесконечно малой. Таким образом, каждое состояние этого мира содержит в себе все остальные его состояния. Следовательно, в этом мире, несмотря на то что он является процессуальным, по-настоящему ничего не уходит в небытие. Он весь (все его прошлые и будущие состояния) присутствует в бытии в парменидовском смысле этого слова. Этот мир так же, как и мир Парменида, обречен на существование.

Существенной характеристикой мира Лапласа является также то, что процессы, осуществляющиеся в нем, не несут новизны. По всей видимости, это свидетельствует о том, что в фундаменте любого варианта такого мира лежит уровень простейших, бесструктурных элементов. К пространственным перемещениям, к перегруппировкам таких элементов и сводятся все процессы этого мира [Финогентов 1992: 8—31]. Только что сказанное можно зафиксировать утверждением: процессуальность мира Лапласа не является инновационной. Иначе говоря, процессуальность этого мира не является эволюцией, развитием. Можно достаточно убедительно показать также, что процессуальность такого мира является или циклической, или квазициклической. Такую процессуальность логично назвать функционированием.

Важной характеристикой мира Лапласа является то, что его память-преемственность (соответствующий алгоритм и законы, его воплощающие) не содержат в себе необратимости, то есть, здесь имеет место симметрия между предшествующими и последующими состояниями. Соответственно, темпоральной характеристикой такого мира является обратимое время-длительность.

Память мира Бергсона. Мир, который мы конструируем в этом разделе статьи, характеризуется еще менее жесткой формой памяти-преемственности (формой алгоритма преобразования предшествующих его состояний в последующие), чем мир Лапласа. А именно: память-преемственность (и соответствующий алгоритм) такого мира не только делает этот мир процессуальным, но задает совершенно иной — гораздо более сложный и интересный — характер его процессуальности. «Зарегулированная» законами функционирования процессуальность мира Лапласа, как мы помним, однозначно связывает различные состояния этого мира, является не инновационной и обратимой. Соответственно, память конструируемого здесь мира делает связи между состояниями такого мира неоднозначными, а процессуальность этого мира — инновационной и необратимой. Иными словами, этот мир качественно отличается от мира Лапласа. Для удобства будем называть такой мир миром Бергсона, помня о том, что именно А. Бергсон в своем учении о жизненном порыве подчеркивал инновационный (творческий) характер реальных процессов [Бергсон].

В качестве темпоральных характеристик мира Бергсона выступают многообразные необратимые времена, связанные с соответствующими типами инновационных процессов [Финогентов 1992]. Здесь стоит сказать, что каждое актуальное состояние, то есть настоящее всякого субъекта бытия, принадлежащего такому миру, имеет конечную длительность. Это обстоятельство имеет немало существенных онтологических следствий [Финогентов 2020].

Важнейшей особенностью памяти-преемственности субъектов бытия, принадлежащих миру Бергсона, является то, что она способна обеспечить самоидентичность субъекта такого рода на протяжении лишь конечного времени. Дело в том, что инновационная процессуальность, свойственная всякому такому субъекту бытия, непрерывно количественно и качественно изменяя его, рано или поздно с необходимостью разрушает его прежнюю определенность и формирует новую определенность, порождая, по сути, новый субъект бытия.

Что касается конкретных характеристик памяти-преемственности мира Бергсона, то некоторые из них будут раскрыты в следующем разделе статьи. Здесь же я отмечу только то, что формы этой памяти весьма многообразны. Так, например, одной из важнейших форм такой памяти являются законы развития, свойственные различным субъектам бытия, например, звездам, живым организмам, человеческим сообществам. Отмечу также в данном контексте формы памяти-преемственности, выражаемые понятием «темпофиксация». Это понятие было введено в научный оборот выдающимся отечественным геологом и палеоботаником С.В. Мейеном [Мейен]. Содержание этого понятия охватывает широкий круг феноменов, суть которых состоит в том, что актуальное состояние эволюционирующей системы, в частности ее структура, определенным образом фиксирует индивидуальную историю этой системы. Так, например, книга, выходявшая несколькими изданиями, может содержать в своей актуальной структуре фрагменты, написанные ее автором на разных стадиях доработки этой книги. Отдельные примеры, иллюстрирующие содержание понятия «темпофиксация», будут рассмотрены мной в следующем разделе статьи.

Некоторые варианты памяти мира Бергсона. В качестве важного варианта памяти-преемственности мира Бергсона кратко рассмотрим упомянутые выше законы развития.

Характеризуя их, в первую очередь следует подчеркнуть их принципиальное отличие от законов функционирования (законы мира Лапласа), показательным примером которых являются уже упомянутые законы классической механики. Действительно, законы функционирования могут быть установлены путем внимательно наблюдения за некоторой (функционирующей) системой. Такие законы фиксируют «существенные, устойчивые, повторяющиеся» моменты в процессуальности данной системы. Так, к примеру, пронаблюдав достаточно долго и пристально за движением математического маятника, мы можем установить, что все его состояния однозначно воспроизводятся спустя определенный промежуток времени. И это воспроизведение вполне закономерно. Совершенно иной характер имеют законы развития (законы эволюции). Представим себе, что мы наблюдаем за развитием какого-нибудь растения. При этом мы непременно зафиксируем, что это растение проходит различные, качественно своеобразные, а потому — неповторимые этапы своего развития. Например, на одной стадии развития у него формируются листья, на другой появляются цветы, на третьей формируются плоды и т. п. Соответственно, наше даже самое внимательное наблюдение за данным растением не выявит

«существенных, устойчивых, повторяющихся» моментов в его процессуальности, то есть не выявит наличия законов функционирования. Поверхностному взгляду, может на этом основании показаться, что рассматриваемому процессу развития вообще не свойственны какие-либо законы. Однако это не так. Законы у этого процесса все-таки есть. Но для выявления их, как уже сказано, недостаточно даже самого внимательного наблюдения за данным экземпляром развивающегося субъекта. В нашем примере — это конкретный экземпляр растения определенного вида. Чтобы выявить интересующий нас закон развития необходимо наблюдать за многими экземплярами развивающейся системы определенного типа. В нашем случае необходимо наблюдать за многими экземплярами растения определенного вида. Только тогда мы сможем установить, что все экземпляры такой системы проходят в процессе своего развития одни и те же (закономерные) стадии.

Иначе говоря, законы развития — это законы, свойственные, образно выражаясь, «тиражированным» системам, то есть системам, существующим во многих экземплярах: организмам, космическим объектам и т. п. Опираясь на знание законов этого рода, и, зная актуальное состояние такой системы, можно давать достаточно обоснованные прогнозы относительно будущих ее состояний. Понятно, что эти прогнозы не будут однозначными. Дело в том, что законы развития не учитывают действие факторов «уровня единичного». Они действуют только на уровне общего. Так, к примеру, опираясь на закон развития, которому подчиняется жизненный путь данного экземпляра растения, можно прогнозировать, что у этого растения на определенном этапе его эволюции появятся листья, цветы и т. п. Но, конечно, такой прогноз не может учесть действие разнообразных внешних факторов (факторов «уровня единичного»): заморозки, сильный ветер и т. д.

О неизбежности потери самотождественности каждым реальным субъектом бытия. Как уже отмечено, миры, описанные выше, представляют собой теоретические конструкты, идеальные типы. Но, по всей видимости, они достаточно адекватно отражают особенности различных уровней бытия любого фрагмента неисчерпаемого (многообразно бесконечного) универсума. Подробнее я пишу об этом в уже указанных книгах [Финогентов 1992; Финогентов 2020]. В частности, естественным представляется предположение, что каждому реальному субъекту бытия свойственны все указанные выше формы памяти-преемственности и соответствующие им типы процессуальности. При этом под реальным субъектом бытия я понимаю любой фрагмент неисчерпаемого универсума. Реальные объекты фиксируются нами в виде разнообразных объектов неживой и живой природы, различного рода социокультурных образований и т. п. Таким образом, реальные субъекты бытия в онтологическом плане противостоят многообразным теоретическим объектам, сконструированным исследователями посредством в первую очередь процедур абстрагирования и идеализации.

Конечно, у разных реальных субъектов бытия эти формы памяти-преемственности и соответствующие им типы процессуальности присутствуют, так сказать, в разных пропорциях. Например, у некоторых реальных субъектов бытия доминирует мощная память-преемственность мира Лапласа и, соответственно, такой тип процессуальности как функционирование. У других реальных субъектов бытия преобладают различные варианты памяти мира Бергсона, и, соответственно, многообразные виды инновационной процессуальности. И т. д. Но еще раз подчеркну, у всех реальных субъектов бытия с неизбежностью

присутствуют все формы памяти-преемственности и все виды процессуальности, представленные в предшествующих разделах статьи.

Из этого вытекает немало существенных следствий. Здесь я уделяю внимание только одному из них. А именно: ниже я кратко обсуждаю в соответствующем контексте проблему бессмертия.

Разумеется, я обсуждаю эту проблему в рамках рационального дискурса. Иначе говоря, я не рассматриваю здесь многообразные мечты и суждения о бессмертии, высказанные в рамках различных мифологических и религиозных мировоззрений. Эти мечты и суждения, несомненно, чрезвычайно интересны и поучительны во многих смыслах и у меня нет цели оспорить их. Меня здесь интересуют лишь онтологические основания возможности (точнее, — невозможности) достижения бессмертия. Таким образом, я полемизирую здесь только с попытками рационального, прежде всего, философского обоснования возможности бессмертия. Хорошо известна, например, неубедительность попыток философски обосновать бессмертие души, предпринятых Сократом (Платоном) в диалоге «Федон». Детальный критический разбор этих попыток дан А.Ф. Лосевым [Платон: 415—428]. К попыткам такого рода относятся также предположения Р. Декарта и Г.В. Лейбница о том, что душа человека является «простой субстанцией», которая поэтому не может быть разрушена. Очевидна, неубедительность такого обоснования. Точнее, очевидно, что такое обоснование в действительности обоснованием не является, поскольку предположение субстанциональности души тождественно предположению ее вечности. Ведь любая субстанция, так сказать, по определению не сотворима и не уничтожима («бессмертна»). Аналогично дело обстоит и с другими попытками рационального обоснования достижимости бессмертия.

Итак, бессмертие понимается мной не просто как очень длительная (тысячи, миллионы, миллиарды и т. п. лет) жизнь, а как вечная (бесконечно продолжающаяся) жизнь некоторого субъекта бытия. Такая жизнь, очевидно, предполагает существование этого субъекта на протяжении бесконечного времени. Другими словами, обсуждая проблему бессмертия, мы с необходимостью сталкиваемся с проблемой возможности сохранения самотождественности соответствующего субъекта бытия на протяжении бесконечного времени. Но отмеченное выше наличие у каждого реального субъекта бытия всех описанных мной форм памяти-преемственности и соответствующих типов процессуальности, как нетрудно убедиться, однозначно отрицает такую возможность. Эта невозможность обусловлена наличием в составе процессуальности любого реального субъекта бытия, во-первых, хаотической процессуальности и, во-вторых, — инновационной процессуальности. Эти — атрибутивно присущие каждому реальному субъекту бытия — виды процессуальности рано или поздно неизбежно «размывают» его определенность.

Конечно, можно возлагать надежды на другие формы памяти-преемственности. Иными словами, можно надеяться на то, что абсолютная память-преемственность мира Парменида и мощная память мира Лапласа обеспечат возможность сохранения самотождественности соответствующего субъекта бытия на протяжении бесконечного времени. И в некотором смысле такие надежды оправданы. Однако, не вызывает сомнений тот факт, что только что указанные формы памяти-преемственности и определяемые ими типы процессуальности (абсолютный покой и функционирование), хотя и присутствуют в той или иной мере в жизненном процессе некоторого субъекта бытия, совершенно недостаточны для осуществления такого (жизненного) процесса.

Заключение. Таким образом, в статье рассмотрены различные формы памяти преемственности: полное отсутствие памяти-преемственности (мир Кратила), абсолютная память-преемственность (мир Парменида), мощная память, обеспечивающая однозначную связь между предшествующим и последующим состояниями субъекта бытия (мир Лапласа), память-преемственность, допускающая инновации (мир Бергсона). Были определены также соответствующие указанным формам памяти-преемственности типы процессуальности: хаотическая процессуальность, полное отсутствие какой бы то ни было изменчивости, функционирование, инновационная процессуальность. Было высказано предположение, согласно которому каждому реальному субъекту бытия свойственны все указанные выше формы памяти-преемственности и типы процессуальности. Было показано также, что в рамках такого предположения в принципе невозможно бесконечно долгое сохранение самотождественности любого реального субъекта бытия. На этом основании был сделан вывод, в соответствии с которым в пределах рационального (философского) дискурса надежды человека и человечества на достижение какой-либо формы бессмертия являются безосновательными.

Список источников

- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: АСТ, 2023. 416 с.
Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. и пер. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.

Список литературы / References

- Бадли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. СПб.: Питер, 2011. 560 с.
(Badli A., Ajzenk M., Anderson M. Memory, St. Petersburg, 2011, 560 p. — In Russ.)
Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 212 с.
(Mejen S.V. Introduction to the Theory of Stratigraphy, Moscow, 1989, 212 p. — In Russ.)
Норман Д. Память и научение. М.: Мир, 1985. 162 с.
(Norman D. Memory and Learning, Moscow, 1985, 162 p. — In Russ.)
Роговин М.С. Проблемы теории памяти. М.: Высшая школа, 2024. 163 с.
(Rogovin M.S. Problems of Memory Theory, Moscow, 2024, 163 p. — In Russ.)
Роуз С. Устройство памяти от молекул к сознанию. М.: Мир, 1995. 384 с.
(Rouz S. The Making of Memory from Molecules to Consciousness, Moscow, 1995, 384 p. — In Russ.)
Финогентов В.Н. Время, бытие, человек. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та. 1992. 222 с.
(Finogentov V.N. Time, Being, Man, Ufa, 1992, 222 p. — In Russ.)
Финогентов В.Н. К онтологии неисчерпаемого универсума. Орёл: Каргуш, 2020. 264 с.
(Finogentov V.N. To the Ontology of an Inexhaustible Universe, Orel, 2020, 264 p. — In Russ.)
Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996. 336 с.
(Celler E. An Essay on the History of Greek Philosophy, Moscow, 1996, 336 p. — In Russ.)
Шенцев М.В. Информационная модель памяти. СПб.: Питер, 2005. 53 с.
(Shencev M.V. The Information Model of Memory, St. Petersburg, 2005, 53 p. — In Russ.)

TO THE ONTOLOGY OF MEMORY

Valery N. Finogentov

Orel State Agrarian University named after N.V. Parahin,
Orel, Russian Federation, v_fin@mail.ru

Abstract. The article discusses various forms of memory-continuity and the corresponding theoretical worlds: complete absence of memory-continuity (the world of Cratylus),

absolute memory-continuity (the world of Parmenides), powerful memory that provides an unambiguous connection between the previous and subsequent states of the subject of being (the world of Laplace), memory-continuity that allows for innovations (the world of Bergson). Further, the types of procedurality corresponding to the indicated forms of memory-continuity are analyzed: chaotic procedurality, complete absence of any variability, functioning, innovative procedurality. An assumption is put forward according to which each real subject of being is characterized by all the above-mentioned forms of memory-continuity and types of procedurality. The thesis according to which, within the framework of the indicated assumption, the infinite preservation of the self-identity of any real subject of being is in principle impossible is substantiated. On this basis, a conclusion is made according to which, within the limits of rational (philosophical) discourse, hopes for man and humanity to achieve immortality are unfounded.

Keywords: memory-continuity, Cratylus's world, Parmenides's world, Laplace's world, Bergson's world, immortality

For citation: Finogentov V.N. To the ontology of memory, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 154—164.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Финогентов Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет, г. Орел, Россия, v_fin@mail.ru, SPIN: 2031-4467

Finogentov Valery Nikolaevich — Doctor of Science (Philosophy), Professor of History, Philosophy and Russian language Department, Orel State Agrarian University, Orel, Russian Federation, v_fin@mail.ru